

«Дневник Кости Рябцева»: три измерения АРХИВ ДЧ

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ: НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ ИЗ АРХИВА Н. ОГНЕВА

Рубрика «Архив ДЧ» этого номера также посвящена Н. Огневу и его повести. Мы искали документы, которые помогли бы разносторонне показать контекст создания и бытования «Дневника Кости Рябцева». И остановились на трех: статье педагога экспериментальной школы (1922); стенгазетах, созданных учениками этой школы (1923); записях Н. Огнева о своей творческой работе (1935). Таким образом удалось создать своего рода треугольник, продемонстрировать «три измерения», взаимодействующие в любой школьной повести: педагогическая система, ребенок и собственно писатель.

Статья Е. Кирпичниковой (директора школы-колонии «Искра», в которой некоторое время преподавал Н. Огнев) позволяет взглянуть на «грандиозные и перманентные» педагогические эксперименты в советской школе 1920-х глазами педагога-практика, их реального организатора. В статье подробно описан механизм внедрения системы самоуправления: формы, которые эта система принимала при изобретении учениками («снизу»), и их последующая эволюция при участии педагогов.

Ученическая пресса показывает нам ту же школу, но немного с другой стороны. В стенных газетах находится место и актуальной политике, и критике бюрократизма школьной системы, и школьному фольклору, и просто шуткам. Повседневная школьная жизнь предстает в этих листках своего рода игрой, состоящей из мелких, но наполненных смыслом происшествий. Стенные газеты сохранились в личном архиве Н. Огнева (РГАЛИ). Писатель сберег их не случайно — некоторые заметки и истории он использовал в своей повести.

Последний текст в подборке написан в 1935 г., от первых двух документов его отделяет более десяти лет. Н. Огнев размышляет о своей творческой судьбе и текущей работе. Считая своими главными произведениями школьную повесть и повесть о студенчестве («Исход Никпетожа»), он утверждает, что именно молодежь —

его основная тема. Как «правильный» советский писатель, он «собирает материал» для новых книг (то есть исследует новые молодежные коллективы — красноармейцев, метростроевцев). Тем не менее, попытки превратить наблюдения в литературный текст «терпят крушения». Как и предписывает советская система, Огнев ищет корни своей неудачи не вовне, а внутри — в себе самом. Представленные в «Архиве ДЧ» «высказывания о творческой работе» — попытка писателя, не сумевшего стать соцреалистом в нужном советской власти смысле, объяснить себе и окружающим, как подобное могло произойти.

Источники

Кирпичникова Е. История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени // Вестник просвещения. 1922. № 8. С. 73–97.

РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. хр. 215. «Антенна» и «Вестник» — стенные газеты школы-колонии «Искра» и другие материалы «Искры».

РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Высказывания Н. Огнева о своей творческой работе над романами «Костя Рябцев», «Три измерения», «Великая кривая» и др. Машинопись с авторской правкой и без правки. 1935 г.

I

Е. Кирпичникова

История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени

Как школа, наша «Искра № 3» существует с сентября 1919 г.; до этого она существовала целое лето, как колония, приглашенная помогать в сельско-хозяйственных работах латышской коммуне в имении Покровское-Рубцово, близ Никоновского монастыря (Новый Иерусалим).

Состав учащихся (в возрасте от 13 до 16 лет) был довольно трудным для создания единого коллектива, так как заключал в себе несколько плотно организованных и поэтому замкнутых групп, к которым отчасти приставали, а отчасти, не вливаясь в их, вели одинокое существование дети, которых МОНО присылало поодиночке. Группы были такие: 9 школа (б. Полянское женское городское училище повышенного типа), «институтки» (из Николаевского сиротского отделения), «кадеты» (дети, присланные из корпуса, но принятые туда уже после революции — элемент демократический). Кроме «институток» и некоторых детей из семей школьных работников уезда и Москвы, все остальные группы

представляли элемент весьма трудный для общественного воспитания — дети более или менее обнищавшего мещанства (напр., было много детей из Бахрушинского вдовьего дома). Настроение учащихся было почти сплошь контрреволюционным, и обращение «товарищи» вызывало бурю негодования. Кроме того, все эти подростки, пережившие двухлетнюю школьную разруху (в 1917–1918 гг. забастовка городских учителей, а в 1918–1919 гг. разрушительная школьная реформа), не только перезабыли то, что знали раньше, и отвыкли учиться, но очень огрубели, расхлябались и увлеклись духом «танцулек». Итак, материал для создания самоуправляющейся школьной общины был взят неблагоприятный, и успех, которого нам удалось достичь, указывает на одно — на жизненность самой идеи школьного самоуправления.

В первый год (1919–1920) нам не везло с приглашением школьных работников: на лицо было в течение зимы лишь 3 живущих школьных работника и один приходящий (но приходил он столь неаккуратно, что пришлось с ним расстаться) на 3 группы II ступени. Прежде, чем реорганизовать летнюю колонию в постоянную школу, был проведен ряд собраний всего коллектива для выяснения характера будущей школы. Большинство высказалось за школу «требовательности», т. е. за такую, которая, раз наметив свои задания, идет по своему пути, не делая уступок и не мирясь с нарушением правил, выработанных на школьных советах и на общих собраниях. Те, кому школа «требовательности» не показалась подходящей, покинули колонию (таких оказалось двое или трое из 23 летних колонистов). Школьные занятия начались с выяснения вопроса о хорошей школе. «Какую бы я устроил школу, если бы мне были даны все материальные возможности создать самую лучшую школу» — вот тема первого сочинения. Эти сочинения разбирались всем коллективом сообща, при чем горячо спорили по вопросам об обязательности или факультативности программы, о плюсах и минусах совместного воспитания, о наказаниях и пр.¹ Затронут был и вопрос о самоуправлении. Мы, воспитатели, воздерживались от предложения тех или иных школьных конституций, будучи убеждены, что формы самоуправления должны органически расти и развиваться вместе с самой школой. Но нашелся один мальчик, который предложил основать «дискон», т. е. дисциплинированный комитет учащихся, основываясь на опыте школы, где этот мальчик раньше учился. Предложение приняли, не вдаваясь в детальное обсуждение прав и обязанностей дискама.

Роль этого органа свелась к наблюдению за порядком в спальнях, при чем авторитетом диском не пользовался, а страданий претерпевал много, так как все-таки считался ответственным за беспорядок, шум и т. п. нарушения правил общежития. Более жизненными оказались хозяйственная комиссия, работавшая в кладовой и принимавшая участие в совещаниях хозяйственников, и клубная комиссия. Инертность учащих делала работу клубной комиссии такой тягостной, что состав ее беспрестанно менялся, и клубная работа оживлялась на время лишь при вступлении в должность свежесобранной комиссии. Общие собрания проходили очень вяло. Оживление антиобщественного характера вносилось только разбором ссор между «полянками» и 9 школой, между кадетами и институтками. Мальчики как-то скорее организовались: старшие мальчики взяли на себя роль руководителей, а младшие признали это руководство не только в таких вопросах, как запрещение курить, необходимость, как следует, умываться, но вообще стали равняться по старшим, особенно в области закаливания, гимнастики, спорта. Ссоры девочек продолжались. Наконец, общее собрание, доведенное до отчаяния постоянными тяжбами из-за помех, творимых друг другу разными кланами, постановило переселить всех девочек так, чтобы в каждой спальне были девочки из разных кланов. Конечно, такое решение прошло только благодаря единению всех мальчиков, настаивавших на том, что надо разрубить гордые узел. Слезы, отчаяние... Но через 2 недели новые сожительницы уже сошлись друг с другом, и родовой быт в истории «Искры» отошел в область предания. С лета 1920 г. начались опять попытки отдельных лиц оживить на ладан дышащее самоуправление. Ввели должность старшин по работе, которые обычно давались не по часам, а как коллективный урок. Поручили дискомам, сообщая с внутренней хозяйственницей, распределять дежурства и домашние работы. Общие собрания стали гораздо дельнее; все как-то заинтересовалось организацией самой школы и возможностью внести в первоначальную схему разные улучшения. В этом активном настроении «Искра», в качестве странствующей труппы, поехала в экскурсию, чтобы дать спектакль («Сон в Иванову ночь») для других колоний. В той колонии, куда искровичи были приглашены, происходило нечто вроде борьбы между учащимися и школьными работниками, и это революционное настроение, а, главное, самостоятельность учкома, который всячески старался подчеркнуть, что хозяин школы он, а не школьные работники, увлекло наших старших мальчиков.

Не прошло и недели по возвращении из этой экскурсии, как наши учащиеся устроили свое собрание, без школьных работников, а затем второе собрание всего коллектива, где предложили школьным работникам принять выработанную кружком учащихся конституцию. Суть ее из немногих параграфов заключалась в том, что учреждается учком, который вместе со школьными работниками берет на себя поддержание порядка в школе. Учащиеся смотрели на нас с любопытством, ожидая отпора: побывав в гостях, они решили, что школьные работники будут цепляться за «власть» и отдадут часть ее лишь после упорного сопротивления. Чтобы не разочаровать их, мы скрыли наше удовольствие и, приняв конституцию в общем, высказались против товарищеского суда, учреждавшегося для поддержания дисциплины. Пришлось посвятить несколько общих собраний выяснению самой идеи товарищеского суда; когда все поняли, как серьезно это учреждение, то согласились отложить его введение. К этому времени политическое воспитание «Искры» настолько продвинулось вперед, что не только вся школа, разросшаяся до 75 человек, прослушала курс советской конституции, но заинтересовалась историей коммунизма и вообще беседами на политические темы, которые велись и своими силами и специально приглашавшимися лекторами. Интерес к государственному строительству усиливал желание усовершенствовать строй своей юношеской республики и, наоборот, знакомство с историей культуры, с развитием гражданственности в античных республиках, с борьбой политических партий тоже приобретал особый интерес, когда эти явления можно было сравнивать с жизнью своего микрокосма. В «Искре» есть своя Спарта, Фермопильское ущелье, счастливая Аркадия, комната софистов и т. д. Вместо прежних кланов явились партии, из которых в истории «Искры» особенно крупную роль играл так называемый «Олимп». «Олимпийцы» были сильны убеждением, что прогресс школьной общины зависит от водворения строгой дисциплины силами самих учащихся. В состав «Олимпа» входили самые старшие учащиеся, исключительно мальчишки. Девочки и младшие мальчишки долгое время подчинялись «Олимпу», опасаясь, что его отказ от власти будет крушением всей школы, так как «Олимп» пользовался громадным авторитетом. Но дух критики не был истреблен (об этом свидетельствует сама ядовитая кличка «Олимп»), и мало по малу оппозиция, подчеркивая промахи «Олимпа», стала не без успеха выступать на собраниях. Какими средствами могут выборные должностные

лица поддерживать необходимую для школы дисциплину? За уроками ее поддерживают школьные работники, имеющие от школьного совета полномочия, в крайнем случае, того, кто не желает заниматься, послать в распоряжение хозяйственного аппарата, так как учить насильно нельзя, а тунеядцев в колонии быть не может. Учкомы сильных составов пробовали разные меры: вызовы в собрание учкомов, порицание на общественном собрании, вынесение дела на школьный совет и, как последняя мера, исключение из самоуправления и передачу «под шкрабов». Но самым действительным средством все-таки оказывалась запись в штрафной журнал на какую-нибудь мало популярную работу (воскресные дежурства, экстренную носку воды, отчистку какого-либо грязного угла и т. п.) При этой записи дело велось не всегда беспристрастно, и многих учкомов на общем собрании обвиняли в склонности «держат лавочку», т. е. мирволить своим друзьям и быть нарочито строгими к недругам. Средством борьбы с этим злом была полная свобода слова в собраниях: самый влиятельный олимпиец знал, что любой гражданин, как бы мал он ни был, свободно коснется на общем собрании любого щекотливого вопроса или немедленно, после совершенной несправедливости, или в конце месяца, когда уходящий в отставку учком будет отчитываться перед общим собранием в своей работе за истекший срок. Поэтому, надо сказать к чести «Икры», что, хотя обвинения в побряках и придириках возникали часто, но почти всегда оказывались неосновательными.

1920–1921 г. ознаменовался двумя мятежами. Мятежниками оба раза, как это ни странно, были школьные работники. В первый раз школьные работники сочли себя обиженными тем, что их отстранили от тех событий, которые должны были разбирать поступки учащихся. Основательно обсудив положение дел в педагогической комиссии, 12 декабря 1920 г. школьные работники выступили с декларацией, в которой определенно размежевывались сферы воздействия школьных работников и самоуправления. Себе школьные работники оставили учебу и здоровье, а все остальное сдали самоуправляющейся общине. С каким энтузиазмом искровичи решили постоять за себя и доказать, что они сами могут держать себя в руках. Все внешние знаки власти (звонок, разрешение вставать из-за стола, осмотр рук и лица по утрам и т. д.) перешли от дежурного школьного работника к дежурному учкому. Дежурный школьный работник остался в роли советника в трудных случаях и внимательного наблюдателя всего дня, события которого он отмечал в своем дневнике. Учкомы

приглашались в собрания школьных работников, если надо было обратить их внимание на какие-нибудь ненормальности школьной жизни и посоветоваться сообща относительно их устранения. Теперь школу по утрам будит дежурный учком; он же, вместе с товарищем по дежурству, наблюдает за умыванием, за приготовлениями к чаю; делает смотр по рукам и физиономиям всех учащихся перед чаем и блюдет порядок в столовой. И весь день учкомы начеку: к ним обращаются за разрешениями, к ним идут с жалобами. Их передышка во время «физички». На эти часы школа передается в ведение дискомов, которые еще за обедом сообщили каждому гражданину, какую работу он будет нынче исполнять: мытье полов, топка печей, колка и носка дров, мелкая стирка, починка белья, сшивание библиотечных книг, работа в канцелярии и т. д. Дискомы следят за исполнением этих разнообразных работ, которые занимают у всей школы не менее 1½–2 часов. От «физички» освобождаются лишь дежурные учкомы и дежурные по кухне и столовой. За плохо исполненную работу дискомы тоже записывают в штрафной журнал. После «физички» идут самостоятельные занятия (2 часа). С младшими группами, работающими в столовой, сидит дежурный школьный работник; за поведение старших отвечает учком, который может особенно бурно настроенных граждан послать заниматься в столовую.

Самый трудный практический вопрос этой конституции был вопрос о взаимоотношениях дежурных учкомов и дежурного школьного работника. Школьный работник не мог быть лишь пассивным наблюдателем, так как он отвечает за здоровье и за ученье школы; если то или другое подвергается опасности, школьный работник берет бразды правления в руки и распоряжается единолично или по совещанию с товарищами. Разграничить тесно переплетающиеся области внешнего порядка, физического труда, ученья и пр. — дело очень трудное и щекотливое. Только долговременная практика могла научить учкомов работать совместно со школьными работниками и чувствовать облегчение от того, что их громадная ответственность за порядок в школе разделяется со старшим товарищем. Но в первый год активного учкомства у учащихся был на первом месте страх за «власть». Действительно ли им эта «власть» предоставлена? Не покушаются ли школьные работники снова вернуть ее себе? Поэтому в педагогическую комиссию часто вносились на рассмотрение дела о распоряжениях дежурного школьного работника: законно или незаконно было такое-то его действие? На этой почве опья-

нения претензиями на власть весной 1921 г. разыгрался второй мятеж школьных работников. Несколько человек из старших мальчиков позволили себе крайне грубую выходку по адресу одного из школьных работников, которого они считали человеком очень кротким. К их негодованию, обсуждение этой выходки было вынесено на школьный совет, который разъяснил все безобразие и недопустимость таких «шутков» в уважающей себя общине. Тем не менее, виновники «шутки» остались при своем убеждении, что раз у них серьезных намерений оскорбить человека не было, то виноват оскорбившийся их выходкой человек, а не они. Трудность положения усугублялась тем, что шутниками были «олимпийцы», и пример, ими поданный, мог принести в среде их младших товарищей обильную жатву. Школьные работники решили в такой критический момент пожертвовать на время обучением ради воспитания и заявили, что они не приступят к занятиям, пока общее собрание не даст гарантий, что ни один из граждан «Искры», будь то школьный работник или учащийся, не может безнаказанно подвергаться оскорблениям; уважение к личности каждого гражданина должно быть обеспечено конституцией. Зная, как мы дорожим каждым часом занятий для наших отсталых в науках учеников, искровичи и помыслить не могли, что после весенних каникул занятия не начнутся своевременно. Однако, это случилось. Ссылаясь на положение: «кто не работает, да не ест», школьный совет постановил, что часы, посвящавшиеся на занятия, пойдут на физический труд. Время было для работы подходящее: надо было готовиться к посеву картошки. И вот больше недели искровичи трудились по 6 часов в день, перебирая картошку, помогая при пахоте и работая в доме, а науки отдыхали. Несколько раз делались попытки пойти на мировую, путем частных объяснений; но школьные работники решили, что такая тяжелая жертва, как нарушение школьной жизни, будет принесена не даром, и требовали принципиального выяснения вопроса на общем собрании. Наконец, собрание было назначено и, не касаясь случая, вызвавшего забастовку школьных работников, постановило, что всякое проявление грубости и неуважения к личности должно караться самым строгим образом. Был создан особый орган «Комобс» (комитет общественного спасения), который собирался в любой день и час по требованию дежурных учкомов или дежурного школьного работника, или группы граждан для рассмотрения дел о нарушении дисциплины и проявлениях грубости. «Комобсу»

были даны большие полномочия, но решения его могли пересматриваться на школьном совете, если кто-нибудь не был удовлетворен ими. Собирался «Комобс» под председательством дежурного школьного работника, а в состав его входили все школьные работники, бывшие в школе на лицо в данный момент, председатель учкома и по одному представителю от каждой из 4 групп. Этот орган пользовался с самого начала большим почтением в глазах всей школы. Никто не тревожил «Комобс» по пустякам; его не тревожили также и в тех случаях, когда вина была очевидна: «лучше я сам наложу на себя серьезный штраф, но не надо «Комобса». И лишь в тех случаях, когда обе стороны (и предъявлявшая требование, и отказывавшаяся его исполнить) были убеждены, что они правы, собирался «Комобс». Идея «Комобса» заставила искровичей критически отнестись к вопросам о тех основах, на которых покоится всякая благоустроенная община; а вся весенняя история окончательно подорвала авторитет Олимпа, который для спасения своего самолюбия мог рисковать благом всей школы. С этого момента началось идейное раскрепощение девочек и младших мальчиков. Сконфуженный Олимп не заявлял более претензий на «власть», а, пережив увлечение гражданским строительством и пылкой партийной борьбой, увлекся науками (в частности, математикой и естествоведением), готовясь к поступлению через год в высшие учебные заведения. Поэтому олимпийцы не противились новому лозунгу, выдвинутому летом 1921 г.: «власть местам», т. е. развитию самоуправления в пределах каждой из четырех возрастных групп. Каждая группа должна была посылать своих представителей в учком, при чем младшие группы давали меньшее число учкомов, чем старшие. Летний режим с экскурсиями и работами, которые проводились по группам в виду разницы в физическом и умственном развитии старших, средних и младших учащихся, благоприятствовал этой новой системе. Отсутствие плотной партийной организации в среде самого учкома и наличие младших учкомов облегчило совместную работу дежурных учкомов с дежурными школьными работниками, и общественная жизнь школы протекала довольно гладко. Осенью, когда пришла пора уборки картофеля и надвинулись ответственные работы, в виде очистки собственными силами канализационных ям, постройки новых уборных, заготовки дров, — школа почувствовала потребность в спеццах, которые посвятили бы свои часы «физички» разумному руководству при исполнении этих важных для школы дел. Бывшим

олимпийцам, как самым практичным и сильным мальчикам, было вручено руководство этими работами; кстати были выбраны спецы из девочек, которым было поручено наблюдение за чистотой внутри дома, за починкой белья и т. п. Спецы устраивали свои совещания, выясняли, чья работа в настоящее время должна стоять на первом плане, и каждый день заявляли дискомам, сколько рабочих рук нужно дать в распоряжение таких-то спецов на такой-то день. Это сильно разгружало диском и обеспечивало благополучное состояние разных отраслей хозяйства. С созданием должностей спецов, конституция «Искры», очевидно, доросла до потребностей общины в данный момент ее развития, и зима 1921–1922 гг. не внесла никаких новых усовершенствований в аппарат. Работал он, конечно, не всегда ровно; бывали перебои в зависимости от переменчивого настроения общины и от личных свойств учкомов; но в общем традиция самоуправления укоренилась, и чувство ответственности заставляло быть бдительным и сдержанным всякого гражданина, выбранного в учкомы. Некоторые группы даже пытались использовать такое отношение к общественной работе для исправления своих шаловливых и буйных товарищей: «попробуешь на себе, каково быть учкомом». Но такие опыты не всегда увенчивались успехом, и группе приходилось «отзывать» учкома, если он не стоял при исполнении своих обязанностей на должной высоте. В журналах появились статьи, комментирующие всякое явление общественной жизни, но даже и авторы этих статей предлагают пока лишь мелкие поправки, а не серьезные реформы.

Старшие мальчики, оказавшие самоуправлению столько важных услуг своим пылким отношением к вопросу, пробившие кору апатии других членов общины, в марте 1922 г. дали «Искре» случай испытать прочность созданного при их содействии аппарата.

Из-за мелочи «спецы» обиделись на дежурного учкома (кстати, девочку) и потребовали, чтобы она извинилась перед ними и оштрафовала себя. Учком отказался, созвал общее собрание, и собрание признало, что учком действовал на законном основании. Тогда спецы отказались от работы, ссылаясь на то, что общее собрание, не поддержавшее их, очевидно, не доверяет им, а при таких условиях они не могут работать. Общее собрание снова пересмотрело вопрос, признало, что учком был несколько резок в выражениях, но по существу прав, и поэтому вновь отказалось оштрафовать учкома, несмотря на пламенную речь защитника спецов, перечислившего все их великие заслуги перед школой.

Вместо забастовавших спецов, выбрали дискомов со специальными задачами (помимо общих). Эти дискомы мужественно боролись с трудностями своего положения и с саботажем бывших спецов; было ясно, что в работе нет той планомерности, какая была раньше, что материально школа от этого страдает. Нет главного — и дрова тратятся слишком щедро; нет главного — и за ведра никто не отвечает и т. д. На школьный совет председатель учкома вынес вопрос, может ли кто — нибудь без законного основания отказываться от исполнения общественной должности. Председатель школьного совета сказал, что этот вопрос не подлежит обсуждению школьного совета, ибо касается самоуправления. Общее собрание голосовало за обязательное подчинение его воле; но тут же, по предложению одного из граждан, освободило учащихся 4 группы (не только мальчиков, просивших об этом, но и девочек) от несения общественных обязанностей, кроме дежурств, в последние недели их пребывания в школе. Весной текущего года были произведены выборы новых спецов. Из этого последнего испытания школа вышла с честью, хотя не без материального ущерба: прошлогодний урок об уважении к личности не прошел даром, а, главное, было доказано, что активное отношение к самоуправлению распространилось на всю школу. Со времени этих выборов формы самоуправления в школе не изменились; они окрепли и из «обычного права» превратились в закон. Комиссия по составлению конституции, приступив к работе в августе текущего года, основательно проштудировала план Конституции Р.С.Ф.С.Р. и, согласуясь с ним, выявила основные законы «Юношеской республики Искры № 3».

Основные законы нашей «Юной республики» состоят из «Декларации прав» гражданина, входящего в коллектив «Искры», и собственно «Конституции», определяющей внутренний порядок жизни школы. Вот содержание «Основных законов» коллектива «Искры».

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

Члены коллектива «Искра» пользуются правом делать все, что не приносит вреда ни обществу, ни отдельному лицу. Они должны употреблять все усилия, чтобы годы, проводимые в школе, содействовали их умственному и общественному развитию. Каждый гражданин «Искры» старается сделать жизнь в колонии как можно приятнее проявлением внимания ко всем членам коллектива. Поэтому, грубость, издевательство, неопрятность, являются

у нас элементами недопустимыми. Для развития общественности школьный совет предоставляет учащимся право самоуправления, с тем условием, чтобы, пользуясь этим правом, они не причиняли вреда ни своему здоровью, ни умственному развитию. Школьный коллектив подчиняется всем правилам, издаваемым МОНО и УОНО.

КОНСТИТУЦИЯ

I. Школьный совет.

1. Во главе «Искры» стоит Школьный совет, состоящий из педагогов, врача, заведующей хозяйством и представителей от учащихся.

2. Школьный совет ведает следующие вопросы: а) разработку планов и программ занятий различных групп в пределах общих указаний МОНО и УОНО; б) рассмотрение смет, докладов и годовых отчетов о педагогической и административно — хозяйственной жизни учреждения; в) прием учащихся и перевод их в высшую и низшую группы; г) принятие мер к поднятию успешности учащихся; д) перевод в профессиональные школы воспитанников, не усваивающих полного курса II ступени и имеющих склонность к изучению ремесла.

II. Общее собрание.

1. Внутренний строй коллектива регулируется общим собранием и указаниями врача; он утверждается Школьным советом.

2. Членами общего собрания с правом решающего голоса являются все учащиеся и школьные работники. Гости, посещающие «Искру», могут присутствовать на собраниях с правом совещательного голоса.

Примечание: Явка учащихся на собрания обязательна.

3. Председатель учкома открывает собрание и ведет его, если члены не предлагают другого.

4. Ведению общего собрания подлежат: 1) выборы всех должностных лиц, кроме учкомов и представителей власти на местах, т. е. в спальнях и группах; 2) суждение о работе должностных лиц; 3) издание постановлений, регулирующих отдельные стороны жизни школы.

III. Учком и Диском.

1. Главнейший исполнительный орган общего собрания — ученический комитет. Если в школе нормально работают 4 группы, то они дают 8 членов учкома.

2. Заседание учкома происходит не реже одного раза в неделю.

3. Исполнительная власть и наблюдение за порядком жизни вручены дежурным членам учкома, работающим в контакте с дежурным школьным работником.

4. Распределение физического труда и наблюдение за исполнением работ возложено на дискомов (дисциплинарную комиссию). Дискком состоит из 4 учащихся; его правильнее было бы назвать «комтруд». Ответственность за отдельные отрасли труда лежат на спецах (главремонт, главтоп, главвод, внешсанком, главэлектро и т. д.)

IV. Хозяйственная комиссия.

В работе хозяйственной комиссии принимают участие три выборных представителя от учащихся, а в работе бельевой комиссии — два.

V. Комобс.

1. Судебная власть в случае нарушения дисциплины, проявления грубости и неопрятности принадлежит комобсу, т. е. комитету общественного спасения.

2. Заседание комобса ведется под председательством дежурного школьного работника. Присутствуют: школьные работники, председатель учкома, дежурные учкомы и четыре представителя от четырех групп.

VI. Власть на местах.

1. Власть на местах: каждая группа пользуется правом представительства в учкоме.

2. Для поддержания порядка в классе выбирается старшина группы, под председательством которого ведется групповое собрание.

3. По спальням для поддержания порядка и правильного распределения дежурств выбираются старшины спален.

VII. Лозунг и эмблема.

Лозунг «Искры»: «С верой в грядущую жизнь — смело борись за свободу!»

Эмблема: искры, молот и книга.

Составлен также и «Свод законов Искры № 3», но он еще не обсуждался на общем собрании и не получил его санкции. Ответ, который дают должностные лица по окончании срока своего избрания, из двух — трех общих фраз, каким он был прежде, превратился в деловой анализ работы той или иной коллегии. Он обсуждается на очередном собрании, которое, приняв отчет, разбирает работу каждого должностного лица в отдельности. Выделяющиеся своей общественной работой лица могут быть помещены на красную доску, а халатно

относящиеся к своим обязанностям рискуют попасть на черную. На красную попадают очень редко, а на черную за 3 месяца ее существования попал один дискон, небрежно записывавший распределение дежурств и не умевший, благодаря халатности, сдать точного отчета в своей работе общему собранию. Доски эти введены по тем же соображениям, как они введены на фабриках. Вопрос, не влияют ли они на самолюбие граждан в плохую сторону, встает перед каждым педагогом. Мы не замечаем этого. Суждение о работе должностных лиц производится сознательно и с приведением фактов в пользу или в осуждение данного учкома или дискон. Общее собрание всегда останавливается на вопросе, делало ли это должностное лицо все, что было в его силах, и ровно ли работало в течение всего месяца, и от решения этого вопроса зависит возможность попасть на какую-нибудь из досок. Это отчетное собрание, которое маячит перед каждым учкомом, дискомом или спецком, заставляет их проявлять в общественной работе ту выдержку, отсутствие которой является обычным славянским недостатком; выйти с честью из этого обсуждения — вот что является горячим желанием каждого общественного работника, а доска, — красная или черная, — это лишь символ того уважения к общественному мнению, которое мы стремимся воспитать в наших гражданах путем самоуправления.

Практика самоуправления создает прочные традиции, что нам очень помогает при воспитании новичков, попадающих к нам из детских домов I ступени.

В настоящее время наше самоуправление проявляет особую активность в области кружковой работы. Из кружков выделяется ячейка комсомола, организовавшаяся летом и завербовавшая в свои ряды большинство старших учащихся (более 35 человек). Ячейка ведет политико-просветительную работу среди колонистов и сильно поднимает их интерес к общественной жизни страны. Кроме того, она сносится с общественными организациями вне стен колонии и тем вносит необходимый корректив в жизнь закрытого учреждения. Захватить в свои руки «власть» ячейка не стремится, ибо всегда несколько ее членов бывают «у власти» и чувствуют слишком хорошо всю ответственность ее. Но в области общественного мнения ячейка большой авторитет: во-первых, потому что туда вошел весь энергичный и более развитый элемент из числа учащихся старше 14 лет; во-вторых, потому что в настоящее время работа комсомола направилась как раз на фронт самовоспитания и самообразования. В связи с этим направлением

организовался у нас и кружок «юных пионеров». Из других кружков особенно активны: литературно-журнальный, два театральные, естественно-исторический, электронно-технический, политико-экономический и художественный. Трудно выбрать время для заседаний и работы в этих кружках, так как школьные занятия и подготовка к ним, а особенно практические работы по математике и физике, берут много часов. Выходим из затруднения, уменьшив «физичку» до 1½ часов, благо теперь рабочих рук у нас много (в «Искре» более 80 учащихся). Еще спасает электрическое освещение, проведенное своими силами и позволяющее использовать долгие вечера. При таких условиях органы самоуправления очень экономно тратят время коллектива на общие собрания, носящие исключительно деловой характер: их собирают для заслушивания отчетов и для выборов, для обсуждения серьезных вопросов, а не для разбора каких-либо неурядиц, как то бывало раньше. Все это говорит за то, что общественная жизнь нашего коллектива окрепла, хотя и нельзя еще сказать, что организация самоуправления школы отлилась в окончательные формы.

Примечание

¹ См. нашу статью: Загородная школа «Искра» в Бюллетенях МОНО «Трудовая школа» № 7–8, 1919 г.

II

Стенная газета «Антенна» № 12 от 9 февраля 1923 г.

Бодрость, радость к жизни и к труду

НОВЫЕ ОРУДИЯ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Не так давно на морском берегу недалеко от Нью-Йорка было установлено орудие береговой обороны — пушка, которая была на триста верст вдаль.

Теперь, по сообщениям газет, изобретены еще более страшные орудия истребления людей. В той же Америке сделана электрическая пушка, стреляющая на 500–600 верст вдаль; ее снаряд весит 300 пудов. Если установить такую пушку в Петербурге, то из нее можно будет обстреливать окрестности Нового Иерусалима.

Большие усовершенствования введены в области передвижения артиллерии.

Стенная газота,
4 февраля 1923 г.
ГОЛОСЪ,
РАБОТЪ КЪ ЖИВНЬ,
И КЪ ТУДЪ.

НИЖЕ ОРУДИЯ **ИСТРЕБЛЕНЬЯ** **ЛЕДЯД,**

... на твъ вышю на коротку перуть люди...
... Топору, по сопоставлению газота, выработаны...
... Двигатель, съ механизмомъ, гусеницы, механизированный...
... Тракторъ, съ механизмомъ, гусеницы, механизированный...
... Тракторъ, съ механизмомъ, гусеницы, механизированный...

АВЕ МЕРТЬЯХЪ **ДЕВУШКИ.**

Одна изъ женщинъ, которая была убитой...
... Тракторъ, съ механизмомъ, гусеницы, механизированный...
... Тракторъ, съ механизмомъ, гусеницы, механизированный...

РЫСКА.

... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...
... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...
... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...

... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...
... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...
... газота, изъ кавалерийскъ радио-волнъ...

Стенная газота «Антена» № 12 от 9 февраля 1923 г.

Надо сказать, что до сих пор пушки было страшно трудно втачивать в гору даже лошадам, — тем более в дождливую, грязную погоду; поэтому артиллерия приезжала на место боя всегда значительно позже, чем пехота и кавалерия.

Теперь изобретен такой бесколесный подобный гусенице трактор-танк, который свободно втачивает 119-миллиметрового калибра орудие на возвышенность с уклоном в 45 градусов и делает 19 верст в час по обыкновенной дороге. Такой трактор-танк со страшным тяжелым орудием имеет возможность прибыть к месту боя значительно раньше пехоты и кавалерии.

Еще страшней «летучая механическая смерть» в образе автоматического аэроплана без летчика. Аэроплан взлетает без людей и, управляемый радио-волнами прорывает в воздухе сложные маневры, самостоятельно сбрасывает большой мощности бомбы на заранее намеченный на карте пункт.

Но, конечно, самым дьявольским изобретением человеческого ума в области истребления людей являются всякие газы.

Впервые удушивые газы были введены в войну 1914 г. немцами, и тогда печать Англии, Франции, Америки вопила по поводу

этого бесчеловечного способа ведения войны. Спешно были изобретены «противогазы», маски, не пропускающие газов. Тем не менее, в результате употребления газов масса людей сделалась калеками и ослепло навсегда.

Теперь газы признаны оружием, равноправным ружьям, пушкам, аэропланам. И теперь газы уже не душат человека, а убивают его наповал. Во Франции изобретен смертоносный газ, который, пропитав почву, ядовито испаряется в течение недели и убивает любое живое существо, вдохнувшее эти испарения. В американскую армию уже введен газ «дофениклерсин», который сводит от ума и не может быть задержен ни одной из известных в настоящее время противогазных масок.

Так английские, американские и французские капиталисты готовятся к войне.

ДВЕ МЕРТВЫХ ДЕВОЧКИ

Один московский доктор, Снигирев, — сидел в своем кабинете, когда к нему вошла девочка лет двенадцати и сказала:

— Ради бога, поезжайте по такому адресу: Селивановская улица, дом двадцать три, квартира шесть. Там нужно доктора.

— Но ведь, это страшно далеко от меня, — возразил Снигирев, — а я сильно занят, мне некогда.

— Пожалуйста, я вас очень прошу поехать, это необходимо.

— Почему вы не обратитесь к другому доктору, живущему недалеко от Селивановской?

— Нет, нужно, чтобы ехали вы.

— Странно, — сказал Снигирев и записал адрес. Девочка ушла.

Доктор позвонил, пришла горничная.

— Почему вы пропустили ко мне девочку когда нет приема, — спросил Снигирев. — Это беспорядок.

— Я никакой девочки не пропускала, — возразила горничная.

Снигирев вызвал лакея, лакей сказал тоже, что девочки не видел. Тогда доктор решил поехать по адресу, который он записал, чтобы проверить, в чем дело.

На Селивановской, в указанной квартире лежала больная одинокая женщина.

— Почему вы вызвали именно меня, — спросил доктор.

— Ох, доктор, — сказала больная. — Не то, что вас, а и никакого доктора я не вызывала, — денег нет на это.

— Зачем же в таком случае приходила ко мне ваша дочь?

— Что вы, доктор, — заплакала женщина, — моя дочка уже три дня, как умерла и лежит в соседней комнате: похоронить не на что.

Снигирев вошел в соседнюю комнату и увидел на столе ту самую девочку, что приходила к нему утром.

Эту историю с серьезным видом рассказывают друг другу москвичи.

Другая история произошла в Рурской области, в занятом французами Дюссельдорфе. Один французский капрал «нечаянно» убил выстрелом немецкую девочку. Французские власти отдали винного капрала под военный суд, а родителям девочки распорядились выплатить в вознаграждение сто тысяч немецких марок, то есть, шестьдесят миллионов рублей на наши деньги.

Предлагается подумать:

— Правдоподобна ли первая история и если неправдоподобна, то в чем именно.

— Что для нас, современников, важнее знать: описание прогулок мертвецов или стоимость человеческой жизни?

РЕПКА

Посадил Зав репку сорта «самоуправление». Выросла большая-пребольшая. Ухватился Зав за репку, тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал Зав на помощь Дискома. Диском за Зава, Зав за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут.

Подумал Диском и позвал Учкома: — Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

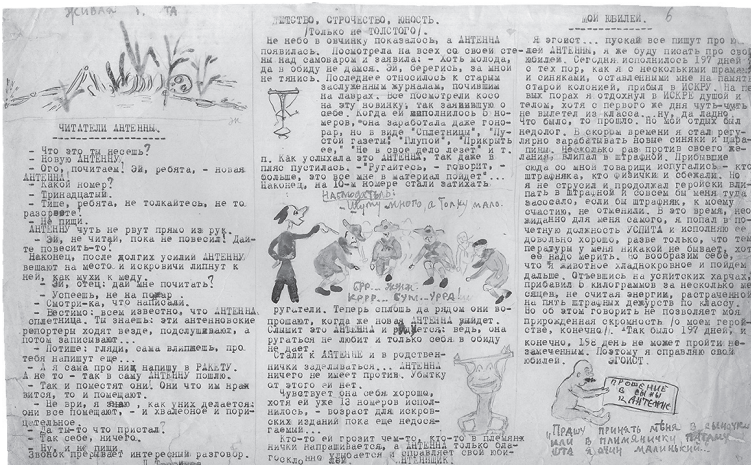
Кликнул Учком на помощь Хозкома: Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвали Санкома. Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Санком позвал Комобс. Комобс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, — тянут-потянут, вытянуть не могут. Не выдержал Комобс, заорал благим матом:

— Мил-ли-ци-о-нер!

А милиционер тут как тут, исправный. Милиционер за Комобса, Комобс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

«Живая газета» (дата не указана)

Миллионер позвал на помощь проект из центра (3-х месячный). Проект, за миллионера, миллионер за Комбса, Комбс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Стоят, обливаются потом, а репка все в земле торчит.

Может, новый Учком выгащит репку?

Личность и класс на уроке

Один из утренних уроков. Только что прочтенный доклад задел всех.

— Товарищи! Литература от истории неотделима! В данном случае Борис...

— Подождите; вам дано литературное произведение; становитесь на точку зрения автора...

— Да; но у Пушкина не было марксистской точки зрения и нам нужно проверить правильность его взглядов на данную эпоху.

— А я считаю, что знатность для бояр значение имела...

— Нет, не имела!

— Тише! Просите слова!

— То, что Борис отменил Юрьев день, доказывает, что он заботился о благе государства.

— Нет, Борис поступал так в интересах определенного класса. Это не доказательство его личных качеств.

- Да оставьте вы в стороне историю!
- А все-таки, Борис поступил так потому, что он добрый.
- Ничего подобного. Значение личности в истории...
- Тише! Я не даю больше слова!

Звонок. Урок кончился. Роль звонка в истории Искры не подлежит сомнению.

М. Хмара

Роль грубости в искре

Истерический период благополучно миновал. Нервы поправились. Можно было только радоваться. Но увы счастье продолжалось так недолго. Немедленно примчалась легкокрылая грубость, верхом на дураке, свиньей подгоняя. Вместо: Хмы-хмы, буль-буль теперь раздается: — «Эх, губа-губа, ничего ты не можешь сделать. — Сам губошлеп. — Убирайся, нахал. — Эй, Сенька, мерзавец, поедем на лыжах кататься. — Ах ты, скотина, чужие лыжи взял. Идиот. А сколько раз в день искрович вспомянет милое существо с хвостиком и рожками. Зачем скрывать, я тоже приобретаю эту привычку. Пример заразителен. Что же получится, в конце-концов. Сам наш баловень с рожками ужаснется. И в знак благодарности за то, что мы его не забываем, надоумит шкрабов принять решительные меры.

А-Ъ.

Керосиновый двигатель

В зданьи полутемно; мало ламп горят.
 Ничего не видно, в зданьи говорят.
 Зало же окутал густой ночи мрак,
 Ничего не видно даже в двух шагах.
 Но зато все слышно: крики, вопли, стон.
 То сердца прохожих изливают боль.
 Тот затылок треснул, тот глядишь, упал
 Берегись же глав-электро, а не то — пропал.

-X-

Вопросы и ответы

С следующего номера Антенна вводит новый отдел вопросы и ответы на все интересующие искровичей темы. Вопросы можно подавать без подписи любому сотруднику Антенны.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В виду того, что со стороны были слышны вопросы: почему не выдают масло к вечернему чаю, Хозком считает долгом разъяснить, что это постановление было в декабре, когда было мясо и ма<сло>. На январь получены вместо мяса селе<...> и приходится суп варить с маслом. Декабрьское постановление Хозком отменяет.

Секретарь Соколова

Стенная газета «Антенна» № 15
март 1923 г.

Бодрость, радость к жизни и к труду

<Редак>торы:

<...>ярский

<М.> Г. Розанов.

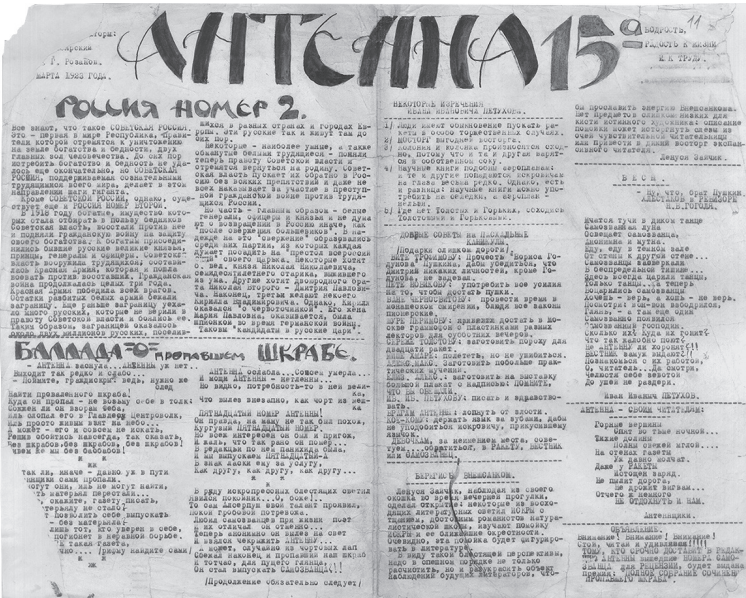
<...> марта 1923 года

РОССИЯ НОМЕР 2

Все знают, что такое Советская Россия. Это – первая в мире Республика, правители которой стремятся к уничтожению на земле богатства и бедности, двух главных зол человечества. До сих пор истребить богатство и бедность не удалось еще окончательно, но Советская Россия, поддерживаемая сознательными трудящимися всего мира, делает в этом направлении шаги гиганта.

Кроме Советской России, однако, существует еще и Россия Номер Второй. В 1918 г. богатые, имущество которых стала отбирать в пользу бедняков Советская власть, восстали против нее и подняли гражданскую войну на защиту своего богатства. К богатым присоединились бывшие русские великие князья, принцы, генералы и офицеры. Советская власть вооружила трудящихся; составила Красная Армия, которая и пошла воевать против восставших. Гражданская война продолжалась целых три года. Красная Армия победила всех своих врагов. Остатки разбитых белых армий бежали за границу. Еще раньше за границу уехало много русских, которые не верили в правоту Советской власти и боялись ее. Таким образом, за границей оказалось около двух миллионов русских, поселившихся в разных странах и городах Европы. Эти русские так и живут там до сих пор.

Некоторые — наиболее умные, а также обманутые белыми трудящиеся — поняли теперь правоту Советской власти и стремятся вернуться на родину. Советская власть пускает их обратно

Стенная газета «Антенна» № 15 март 1923 г.

в Россию без всяких препятствий и даже не всех наказывает за участие в преступной гражданской войне против трудящихся России. Но часть — главным образом — белые генералы, офицеры и князья и не думают о возвращении в Россию иначе, как «после свержения большевиков». В надежде на это «свержение» образовались среди них партии, из которых каждая думает посадить на «престол всероссийский» своего царька. Некоторые хотят б. вел. князя Николая Николаевича, семидесятилетнего старика, выжившего из ума. Другие хотят двоюродного брата Николая Второго — Дмитрия Павловича. Наконец, третьи желают некоего Кирилла Владимировича. Однако, Кирилл оказался «с червоточинкой». Его жена Мария Павловна, оказывается, была шпионкой во время германской войны. Таковы «кандидаты в русские цари».

БАЛЛАДА ПРО ПРОВАЛЕННОМ ШКРАБЕ

— Антенна заснула... Антенны уж нет...
 Выходит так редко и слабо...
 — Поймите, граждистры: ведь, нужно же след
 Найти проваленного шкраба!
 Куда он пропал — не возьму себе в толк:

Сожжен ли он взорам Феба,
 Иль слопал его в Главлесу Центроволк,
 Иль просто живым взят на небо...
 А может — его и совсем не искать,
 Решив обойтись навсегда, так сказать,
 Без шкрабов, без шкрабов, без шкрабов!
 Живем же мы без баобабов!

<Но> так ли, иначе — давно уж в пути
 <Анте>нники сами пропали.
 <...>могут они, иль не могут найти,
 <...>ть матерьял перестали...
 <...>, скажите, газету писать,
 <...> матерьялу не стало?
 <...>т позволить себе выпускать
 <...> — без матерьяла?
 <...> лишь тот, кто уверен в себе,
 <...> погибнет в неравной борьбе.
 <...> <Иск>ре такая газета,
 <...>чно..../рифму найдите сами/

АНТЕННА ослабла... Совсем умерла...
 И мощи АНТЕННА — нетленны...
 Но видно, потребность-то в ней велика,
 Что вылез внезапно, как чорт из мешка
 Пятнадцатый номер Антенны!
 Он правда, на маму не так был похож,
 Кургузый Пятнадцатый номер.
 Но всеж интересен он был и пригож,
 И жаль, что так рано он помер...
 В редакции по нем панихида была,
 И мы впускаем Пятнадцатый-А
 В знак ласки ему за услугу,
 Как другу, как другу, как другу...

В ряду искропрессных блестящих светил
 Явился покойник... О, боже!..
 То сам Алсерпуш свой талант проявил,
 Покой гробовой потревожа.
 Любил самозванцев при жизни поэт
 И их отмечал он отменно...

Теперь анонимно он вылез на свет
 И взялся чекрыжить Антенну...
 А может, случайно из чортовых лап
 Сбежал наконец и пропавший наш шкраб
 И тотчас, для пущего глянца,
 Он стал выпускать САМОЗВАНЦА?!!

(Продолжение обязательно следует)

НЕКОТОРЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ
 ИВАНА ИВАНОВИЧА ПЕТУХОВА

1. Люди имеют обыкновение пускать ракеты в особо торжественных случаях.
2. Мосторг выгодней восторга.
3. Колония и колонка произносятся сходно, потому что и та и другая варятся в собственном соку.
4. Научные книги подобны аэропланам: и те и другие попадают искровичам весьма редко. Однако, есть и разница: научные книги можно употребить на селедки, а аэроплан — нельзя.
5. Где нет Толстых и Горьких, обходились Толстовыми и Горьковыми.

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ НА ПАСХАЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ
 (ПОДАРКИ СЛИШКОМ ДОРОГИ)

ВИТЕ ТРОФИМОВУ: Прочсть «Бориса Годунова» Пушкина, дабы убедиться, что Дмитрий никаких личностей, кроме Годунова, не задал.

ПЕТЕ НОВИКОВУ: употребить все усилия на то, чтобы достать пушки.

ВАНЕ ЧЕРНОСВИТОВУ: провести время в монашеском смирении, блюдя все законы пионерские.

ШУРЕ ПЕРИМОВУ: привезти достать в Москве граммофон с пластинками разных лекторов для субботних вечеров.

СЕРЕЖЕ ТОЛСТОВУ: заготовить пороху для двадцати ракет.

МИШЕ ХМАРЕ: полететь, но не ушибиться.

АЛЕКС. МАКС.: Заготовить побольше практических мучений.

ЕЛИЗ. АЛЕКС.: заготовить на выставку большой плакат с надписью: помните, что вы обещали.

ИВ. ИВ. ПЕТУХОВУ: писать и здравствовать.

ВРАГАМ АНТЕННЫ: лопнуть от злости.

Кое-кому: держать язык за зубами, дабы не уподобиться искровичу, прикусившему язычок.

Девочкам, за неимением места, советуем... обратиться, в РАКЕТУ, Вестник или САМОЗВАНЦ.

БЕРЕГИСЬ, ВНЕШСАМКОМ

Ленуся Зайчик, наблюдая из своего окошка во время вечерней прогулки, сделал открытие: некоторые из восходящих литературных светил Искры с тщанием, достойным романистов натуралистической школы, изучают помойку Искры и ее ближайшие окрестности. Очевидно, эта помойка будет фигурировать в литературе.

В виду такой блестящей перспективы, надо в спешном порядке не только расчистить, но и разукрасить объект наблюдений будущих литераторов, чтобы прославить энергию Внешсамкома. Нет предметов слишком низких для кисти истинного художника: описание помойки поможет исторгнуть слезы из очей чувствительной читательницы или привести в дикий восторг экспансивного читателя.

Ленуся Зайчик

БЕСЫ

— Ну, что, брат Пушкин.

Хлестаков в Ревизоре Н. В. Гоголя

Мчатся тучи в диком танце
Самозванная луна
Освещает самозванца,
Анонимна и мутна.
Еду, еду в темном зале
От стены к другой стене...
Самозванцы засверкали
В беспредельной тишине...
Здесь всегда царили танцы,
Только танцы... а теперь
Воцарились самозванцы
Хочешь — верь, а хошь — не верь.
Посмотри: вон-вон взбодрился,
Глянь, — а там еще один
Самозванно появился
Самозванный господин.
Сколько их? Куда их гонит?
Что так жалобно поют?
Не Антенну ли хоронят?!!
Вестник замуж выдают?!!

Познакомься с их работой,
 О, читатель... Да смотри,
 Челюстя себе зевотой
 До ушей не раздери.

Иван Иванович Петухов

АНТЕННА — СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ:

Горные вершины
 Спят во тьме ночной...
 Тихие долины
 Полны свежей мглой...
 На стенах газеты
 Уж давно молчат.
 Даже у РАКЕТЫ
 Истощен заряд.
 Не пылит дорога,
 Не дрожит вигвам...
 Отчего ж немного
 НЕ ОТДОХНУТЬ И НАМ.

Антенщики

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Внимание! Внимание! Внимание!

Стой, читай и удивляйся!!!!!!

Тому, кто срочно доставит в редакцию Антенны вышедшие
 номера САМОЗВАНЦА для рецензии, будет выдана премия: «ПОЛНОЕ
 СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПРОПАВШЕГО ШКРАБА».

III

Высказывания о своей творческой работе
 над романами «Костя Рябцев»,
 «Три измерения», «Великая кривая» и др.

Машинопись с авторской правкой и без правки. 1935 г.

Первая из моих книг, появившаяся за рубежом, — «Дневник
 Кости Рябцева» была переведена в Берлине М. Эйнштейн-Шефер,
 и сразу встретила исключительный прием. Целый ряд немецких
 газет перепечатал «Дневник» полностью в фельетонах с продол-
 жениями.

«Роте Фане» воспользовалась «Дневником» для того, чтобы отте-
 нить волновавший умы процесс Поля Кранца — шестнадцатилетнего

паренька, обвинявшегося в убийстве товарища. На одной полосе газеты появлялись отчеты о процессе, а на обратной стороне — перевод «Дневника». Само собой разумеется, в этом сопоставлении было явное политическое звучание. Издательство «Югендинтернационале» выпускало «Дневник» издание за изданием.

Пресса расценивала «Дневник» по-разному. В то время, как передовая печать со злорадством выискивала в «Дневнике» негативные моменты и на их основании констатировала якобы «полное неблагополучие в советской школе», — левая, и особенно коммунистическая печать, приветствовала книгу, как первый роман о новом поколении в Советской России».

«Книга — подлинный вклад в пролетарскую литературу», — писал например комм. орган Форвертс в Райханберге.

Вещей такого рода насчитывается пока очень немного, и поэтому она вдвойне ценна. Педагоги буржуазно-капиталистического мира, конечно, схватятся за голову от таких революционных методов воспитания, какие господствуют в советской школе...»

«Роте Фане» помимо перепечатки всей книги, посвятило ей ряд статей и заметок.

«Фоссише Цейтунг» особо отметила книгу в статье «Духовная жизнь в Советской России».

Вслед за Германией перевод «Дневника» появился в Дании и Швеции. Не знаю отзывов прессы, но стоит отметить обложку книги датского перевода книги.

Костя Рябцев изображен на этой обложке в виде преждевременно облысевшего тонкошею юнца в громадных очках, поднявшего вверх поучающий палец. Здоровенная девка в деревенском платке обозначена подписью «Сильва». Рисунок заключается изображением мужика с бородой, в коем читателю предоставляется право угадывать учителя Ожегова (Никтепожа).

В Англии и Америке книга вышла одновременно в изд-стве «Пайсон-Кларк». В Англии появился отзыв в «Таймсе», а в Америке книга произвела сенсацию, которая тотчас приняла американские масштабы. В большом количестве газет появилась моя автобиография, написанная для книги «Писатели», и портрет, напоминающий скорее учащегося бурято-монгольского юношу...

В 1929 г. книга вышла в Испании — сразу и в Мадриде и в Барселоне. По словам одного из книжных обозревателей, «книги Гладкова («Цемент») и Огнева вытеснили из местных библиотек спрос на бульварную литературу».

В Китае «Дневник» появился в шанхайском издании в 1930 г. (сообщение Эми Сяо).

О книге «Исход Никпетожа» (или, как она называется по-немецки, «Костя Рябцев в университете»), писать, мне, автору, очень трудно.

Дело в том, что книга эта — не окончательная: она не исчерпывает не только темы, но и просто — своего заглавия. Эта книга — одна из частей задуманного и постепенно выполняемого мной целого. А целое это — картина отмирания одного российского поколения и возникновение другого: молодого, решительного, героического, но вместе с тем — трезвого и рассудочного.

Я не могу сейчас сказать, будет ли это целое трилогией, тетралогией или пенталогией: возможно, что в процессе создания некоторые части отпадут, как ненужные. Поэтому я воздержусь от подчеркивания формальных моментов моего труда. Отмечу только, что сейчас я заканчиваю очерк некоторых моментов детства Кости Рябцева; этот очерк входит фрагментами в книгу «Три измерения».

Но зато уже сейчас для меня ясно, что внутреннее содержание моей работы будет посвящено грандиозной схватке двух систем мышления. Эта схватка происходит на моих глазах; я — участник; результаты не предрешены. Поэтому не смотря на свое желание быть наиболее объективным, я не могу сказать, удастся ли мне соблюсти завет одного из величайших учителей человечества, Гёте, — о художнической страсти и художническом беспристрастии.

Генетическая линия российского идеализма привела от Чаадаева к Достоевскому и Льву Толстому. Но в Льве Толстом и его непротивлении идеализм нашел свое распыление. Логическое распыление дает пустоту. Душевная пустота и отметила предреволюционных героев Чехова. Казалось, что дальше идеализму и его адептам идти некуда.

Но тут произошла революция. Ее совершил победоносный пролетариат; духовным оружием пролетариата был научный марксизм, отточенный и примененный гением Ленина — к необозримым российским просторам. И тогда идеалисты нашли, чем заполнить свою душевную пустоту, решительно встали на защиту свергаемых принципов. И в этом случае принципы идеализма, деление мира на доброе и злое, пришли на помощь к своим поборникам хотя бы потому, что они веками въелись в быт, в нравы, в сознание рядового человека.

Новое поколение воспитывается уже на иных принципах. Параллельно борьбе классов происходит борьба идеологий, борьба индивидуализма с коллективизмом.

Вот это я и хочу отразить (*вписано сверху*: образами) в своей большой работе. Удастся ли мне это — я не знаю. Но судя по успеху отдельных частей моей работы в Западной Европе и Америке, я вижу, что разрабатываемая мной тема интересует не только меня, а еще очень многих людей не только моей расы, моего воспитания, моего образа мыслей.

Эта поддержка дает мне новые силы к выполнению большого и тяжелого труда.

Издательство вправе упрекать писателей, — в частности, меня лично, — в систематической просрочке договоров. К счастью, издательство «Художественная литература» в лице своего руководства смотрит на такое положение не с формально юридической позиции. И это дает мне возможность принять участие в обсуждении этого явления.

На днях при встрече в коридоре Гихла Н. Н. Накоряков отечески мне попенял за долгое молчание. Он даже спросил меня, как это я могу смотреть ему в глаза. В мимолетной коридорной встрече я, разумеется, не мог привести никаких путных доводов в защиту своего долгого молчания и попытаюсь сделать это теперь.

Прежде всего, установим сроки. Два года назад я дописал, а издательство выпустило мой роман «Три измерения». После этого в разных журналах я поместил несколько рассказов. Роман прошел незамеченным критикой, и я думаю, что это было справедливо. В романе оказывался несостоятельным мещанский индивидуализм. Думаю, что в данный момент такая идея романа может быть смело названа тривиальной.

После «Трех измерений» я написал роман и пьесу, которые так и не увидели света. Это показывает, что я не только работаю, но и критически отношусь к своей работе.

В материале мы, советские писатели, не можем ощущать недостатка. А вот критическое отношение к своей работе становится мало-помалу законом советского писателя. Идет длительный, глубокий, но медленный процесс перевооружения советской литературы. Если совсем недавно советскому писателю предъявлялось требование перестройки мировоззрения, то теперь этого недостаточно. Теперь может идти речь об отказе от старых заржавленных литературных доспехов! То, что казалось для каждого из нас давно

разрешенным — вопросы композиции, жанра, стиля, сюжета, — встало сейчас по-новому, так как изменилось отношение к материалу. И оно изменилось закономерно, так как изменилась ведь основа-основ — экономические отношения в стране.

Отношение к материалу (*рукой подписано*: я понимаю под этим проникновение в атмосферу материала) — главный рычаг литературной работы. Этот рычаг создается из мировоззрения. Двойственен тот писатель, которому кажется, что мировоззрение он перестроил, а отношение к материалу у него остается прежним. И этот разлад, мне кажется, был присущ большинству писателей-интеллигентов, известных в свое время под ярлыком «попутчиков». Теперь отношение к материалу меняется. Медленно? Слишком медленно? Верно, не быстро. Но ведь мы живем при небывалом в истории прорыве в будущее, и человеческое сознание не в силах охватить и отразить его быстро.

С 1930 г. я пытаюсь овладеть материалом Красной армии периода мирного строительства. Одновременно изучаю советскую школу, советских школьников реконструктивного периода, преимущественно подростков. В этом отношении, как известно, на мне лежат особые обязательства. В текущем году я познакомился с ребятами из метро, бывал у них и они бывали у меня. И наконец, осенью мне пришлось принять участие в работе над кинофильмом. Получилось четыре объекта изучения. Красная армия, школа, метро, киносреда. И вот, совсем недавно, в начале декабря, в шахте метро на площади Дзержинского мной овладело такое ощущение, что я нашел давно искомый рычаг. Под землей — тесно, балки и крепления только намечают контуры будущей станции и тоннеля. И не в обстановке строительства, а в отношениях метростроевцев нужно искать отправной точки для литературного произведения высокого дыхания. И не только в отношениях именно метростроевцев. Такое же отношение к труду и учебе я видел и в Красной армии, и в современной советской школе, и у кино-работников. Всюду не только упорно работают, но не менее упорно и дружески помогают товарищу. Помогают не только в работе, но и в культурном росте. Недавно команда советских писателей выезжала на завод имени Сталина для состязания в шахматы. **Нас поколотили** Мы проиграли. Это чувствительно. И поделом. Плохо работаем над собой и неважно помогаем друг другу.

Так вот, товарищи. Я хочу написать книгу. Я хочу найти такое выражение тому, что мной владеет, чтобы книга эта волновала

и вдохновляла, трогала и смешила, открывала новые горизонты и вместе с тем отражала новые человеческие отношения, в первую очередь социалистическое отношение к труду и к товарищу по труду. Несмотря на большой литературный стаж, мое старое писательское вооружение оказалось непригодным для такой книги. За последние два года я ~~пробовал это вооружение~~ искал и ищу. Я, как уже сказал, написал роман и пьесу, но забраковал их сам.

Маленькие рассказы и кино-сценарий — это та работа, которая чрезвычайно помогает мне на подступах к большой теме. И то и другое учит отжимать все лишнее, недейственное. Для меня нет сомнения, что в 1935 г. я закончу книгу маленьких рассказов и сдам ее Николаю Никандровичу. (*рукой сверху*: Это по плану). Но у меня уже и теперь нет причин прятаться. Я открыто смотрю ему в глаза. Я имею право на перевооружение, и этот процесс касается не меня одного. Неудача «Трех измерений» объясняется именно спешкой. Для того, чтобы заполнить план, я мог бы в пулеметном порядке написать исторический роман; у меня есть тема, основанная на громадном материале, — это 1906 и 1907 гг., — но во-первых, я хочу штурмовать линию наибольшего сопротивления, то-есть современный материал, во-вторых, нахожу, что мне рано братья за литературу мемуарного ряда. А отнять творческих сил исторический мемуарный роман может много.

Я хочу активно биться за создание социалистического общества, и постепенно создаю себе для этой цели новое вооружение. Атмосфера социалистического труда, которую я вдыхаю, поможет мне создать новые книги, достойные названия хороших советских книг. *Рукой*: И тогда я предъявлю Николаю Никандровичу сверхплановую нагрузку.

Перед каждым советским писателем стоит сейчас вопрос:

О чем писать? Как реагировать на современность? Какой избрать жанр? В чем очередная задача?

Каждый из писателей отвечает по-разному: иной, порхнув по колхозу или заводу, отписывается парой очерков, другой — и имя ему легион — разыскивает ударников и спешно предает печати их биографии; третий отмалчивается, потихоньку «творя» большое полотно; четвертый гнусно халтурит, забыв о своем назначении. Но каждый, по-разному, отвечает действием, в громадном большинстве случаев не пытаясь сформулировать свое отношение к современности и к современным писательским задачам.

Между тем, такие формулировки совершенно необходимы. Необходим и спор о формулировках. Мне, например, известно, что ряд писателей продолжает смотреть на свое искусство, как на нечто самодовлеющее, расположенное над современностью, стирающее границы, времена, пространства и сроки. Этот взгляд в корне ложен, и с ним необходима борьба.

Как я отвечаю на волнующие меня вопросы? Попробую наметить генезис своего творчества.

К началу революции я был уже ложившимся писателем, профессия журналиста осталась где-то позади — но не писал.

Однако, как писать, знал твердо.

И первые мои вещи, появившиеся в печати в начале 1923 г., — «Евразия» и «Щи республики» — были синтетичны. В «Евразии» я пытался синтезировать настроения пред-сменовеховской интеллигенции (упершейся в революцию лбом, как баран в новые ворота, — третья глава повести так и называлась «Новые ворота»); «Щи республики» ставили неправильно, но все же ставили вопрос о взаимоотношениях рабочего и крестьянина. Дальнейший мой писательский путь проходил все под тем же знаком синтеза: рассказ «Темная вода» (1924), написанный за год до известной исповеди Савинкова на суде, изображал полный распад и гниение эсерства. Рассказ «Гибель культуры» (1925) бил по приспособившейся интеллигенции.

Но на этом же пути я потерпел ряд крушений. Еще задолго до «Дневника К. Рябцева» (1926–1927) я начал работать над большой повестью «Знак Сатурна», которой так и не суждено было увидеть света. Семнадцать планов этой повести и около двух печатных листов «подмалевок» до сих пор погребены на дне моего чемодана с рукописями.

Повесть была посвящена настроениям молодежи 1924–1925 гг. и проводила резкую разграничительную черту между рабочей и интеллигентской молодежью.

В чем же дело? Что случилось?

Я и раньше работал медленно — всякий синтез требует основательного упора и долгой подготовки.

Случилось то, что молодежь — как рабочая, так и интеллигентская переросла мою повесть, и повесть оказалась ненужной. Внутренне не нужной для меня, а значит, и для читателя. Повесть рассыпалась. А «Дневник Рябцева» пророс сквозь распавшуюся повесть.

Это первое крушение я встретил с недоумением, и далеко не сразу его осознал. Но на меня надвигалось второе крушение.

С 1923 г. я задумал и постепенно осуществлял роман в трех частях «Великая кривая». В этом романе интеллигент, снабженный по воле автора двойным зрением, из 1919 г., из голода, холода и разрухи (*вписано сверху*: из героической гражданской войны), возвращается чудесным образом в 1907 г., в год постепенного угасания революции и разгула российской буржуазии. В 1907 г. он вновь переживает свои анархно-мистические настроения, но сквозь призму 1919 г., эти настроения даже ему кажутся мелкими и ненужными, герой гибнет во время экспроприации, но чудеснейшим образом переносится в 1940 г., в год последней битвы капитализма с коммунизмом.

План романа был задуман широко, ряд отрывков был напечатан, но к началу реконструктивного периода я прозрел. Я понял, что мой герой — в достаточной мере дряблый интеллентишко — просто-напросто никому не нужен. Тратить краски на этого героя — значило создавать еще один образ лишнего человека, образ лишний, никчемный, никого ни к чему не зовущий; но с устранением героя — устранялся весь роман! Проблема отношений личности к обществу, а значит и интеллигента к революции не то, что отошла на задний план, а скрылась за задним занавесом! Это — для меня так. Поэтому и Елена Гончарова в пьесе Олеси кажется мне ненужной; она отпала, она прошла; и незачем было ее воскрешать.

Параллельно моя тема вылилась в не вполне удачную книгу «Исход Никпетожа».

Но тема молодежи продолжала (и продолжает) меня волновать. И здесь меня коварно подстерегало третье мое крушение.

Оно меня ждало на драматургическом пути. Существует несколько вариантов пьесы «Дом юношества» — одни лежат в МХАТ-е 1-м, другие в театре Вахтангова... Но им так и суждено лежать в архиве!

Вся беда в том, что я опять работал на устаревшем материале. И молодежь 1926–1927 гг. никак не могла действовать в пьесе 1930 г.! Я понял это в процессе работы, поэтому и недоделал для вахтанговцев последний вариант.

В данный момент я эти три своих крушения пережил настолько, что они стали для меня историей, и я могу рассматривать их вполне объективно.

Но погребение моих неоконченных работ ставит, передо мной, тем не менее, со всей резкостью вопрос:

— Что же делать?

Продолжать медленно работать, собирая материал, упорно обдумывая, синтезируя факты? Или немедленно прекратить такую работу, всего себя бросив на регистрацию фактов, т. е., перейти исключительно на газетную работу?

Ответ сложен.

Прежде всего, существуют темы, которые действуют на продолжительный срок, даже в нашу стремительно развертывающуюся эпоху.

Такова, напр., тема о реконструкции человеческого материала, над которой я работаю уже три года («Три измерения Калерии Липской»).

Далее — любая тема, в основе которой лежит диалектический материализм, как познание жизни. Только робкие попытки были применить диалектический материализм к художественной литературе. Перед советскими писателями развернута вся его ширина и глубина.

Следовательно, для меня работа над большими полотнами никак не отпадает. Но в такой работе — только одна сторона моей деятельности как советского писателя.

Существует совершенно необходимая работа, без которой каждый из нас будет неизбежно отставать.

*Материал подготовлен к публикации
Ольгой Виноградовой*